

Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории

К.И. ЗУБКОВ, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург. E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

В статье на основе анализа особенностей колонизации Сибири в период до 1917 г. разбирается вопрос о «колониальности» Сибири, экономических и политико-управленческих факторах, порождавших колониальный синдром. Исторический анализ позволяет утверждать, что понятие «колония» применительно к Сибири невозможно использовать в его привычном, устоявшемся значении. С одной стороны, колониальный синдром являлся необходимой стадией развития в «жизненном цикле» вновь осваиваемой территории, с другой – имел в своей основе более глубокие причины политического характера, реализуясь в своеобразном «минималистском» подходе к управлению Сибирью. Во многом эти проблемы явились следствием структурных слабостей самой российской экономики.

Ключевые слова: Сибирь; Россия; колония; колонизация; аграрные переселения; Сибирский приказ; освоение; «фронтир»

Вопрос о том, чем Сибирь являлась для России и какое значение ее присоединение имело для судеб страны, волновал русскую общественность едва ли не с момента вхождения этой территории в состав Московского государства. Несомненно то, что фактор Сибири – огромной (около 10 млн км²), слабо заселенной, недостаточно экономически освоенной и непрерывно колонизируемой территории – придал особый характер всему русскому историческому процессу. Он в наибольшей степени давал основание В.О. Ключевскому подчеркнуть значение экстенсивного территориального роста в развитии России и определить его как самую выдающуюся черту национального исторического опыта: «История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский, 1987. С. 50]. Присоединение Сибири решающим образом повлияло и на геополитическое позиционирование России: стремительное, состоявшееся в какие-нибудь полвека (первая половина XVII в.) овладение гигантскими пространствами Северной Евразии, простирающимися от Урала до Тихого океана, превратило православное царство на периферии Восточной Европы в крупнейшую мировую империю, вступившую в широкое общение с цивилизациями Запада и Востока.

При всей неоспоримости общих последствий процесса территориальной экспансии России на восток, вопрос о *характере*

самой колонизации Сибири до сих пор остается в числе дискуссионных. Подвести историю освоения Сибири под общий шаблон, взаимоисключающим образом применив к ней одно из двух широко известных значений понятия «колония» (первое, обозначающее лишенную политической и экономической самостоятельности страну, подвластную иностранному государству, а второе – заселяемую и хозяйственно осваиваемую пустующую окраину страны [Жотьяков, Комарова, 2007. С. 242]) представляется вряд ли возможным, потому что пытливый исследователь без труда обнаружит в изучаемом предмете элементы и того, и другого.

Самой судьбой предназначена

В русской историографии и общественной мысли отчетливо прослеживалась тенденция рассматривать «чудо» обретения Сибири как *органичный* и в чем-то даже *исторически предопределенный* процесс. В представлении С.М. Соловьева, Сибирь была «предназначена» России тем, что «природа, отделив Сибирь от остальной Азии пространными степями Татарии, а с востока и запада опоясав уединенными океанами и направив течение больших рек ее к северным тундрам, чрез это самое заставила ее смотреть исключительно на запад, образовала из нее нераздельную часть Европейской России». Близость рек Волго-Камской системы к «системам рек сибирских», легкость перехода через невысокие Уральские горы, малочисленность разбросанных по пространствам Сибири «диких народцев», удобство водных сообщений – всё это, по мнению Соловьева, образовало ту констелляцию факторов, которая обусловила быстроту и сравнительную легкость вхождения Сибири в состав России [Соловьев, 1988. С. 69–70].

Помимо целого ряда благоприятствующих географических факторов, нельзя не учитывать и исторически подготовленной *хозяйственно-культурной* адаптации русского крестьянства (являвшегося длительное время основным социальным «телом» России) к освоению Сибири. Геополитические особенности становления Московского государства, чье распространение на юг долгое время сдерживалось татарскими набегами, привели к тому, что на долю русского крестьянина выпала историческая миссия освоения *наименее благоприятных* частей Евразии. Его

хозяйственный опыт, в главных чертах выработавшийся при освоении в XIII–XV вв. великорусского исторического центра с его суровыми непроходимыми лесами, топиями и болотами, тяжелыми суглинистыми почвами, неустойчивыми погодными условиями, позволяя с большим успехом преодолевать трудности создания очагов земледелия на Русском Севере, а затем на Урале и в Сибири [Зубков, 2018. С. 84–85]. Далеко не случайно первые контингенты переселяющихся в Сибирь землепашцев набирались правительством именно на Русском Севере, в «поморских» городах [Колонизация Сибири, 1900. С. 15–18].

В ряде случаев можно говорить и о тесной сопряженности хозяйственно-колониационной динамики с *культурно-психологическим* фактором *восприятия* пространства. Раскрывая закономерности распределения колониационных ареалов между разными цивилизациями, немецкий геополитик К. Хаусхофер отмечал, что закрепление Сибири за Россией можно исторически объяснить прежде всего тем, что «продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и потому проникал туда», в то время как соседние восточноазиатские народы, практиковавшие мотыжное земледелие, длительное время «считали их непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением или даже придатком, примыкающим к враждебной для жизни северной полярной области» [Хаусхофер, 2001. С. 60].

Весь этот комплекс причин не только открыл перед Сибирью широчайшую перспективу аграрной колонизации (а, следовательно, и ее развития по типу преимущественно мирно заселяемой переселенческой колонии), но и порождал определенную хозяйственную *инерцию*, которая заключалась в том, что, за исключением некоторых промышленных очагов, экономическое будущее Сибири и к началу XX в. связывалось, прежде всего, с производством и вывозом разнообразной сельскохозяйственной продукции.

Вице-адмирал С. О. Макаров, совершивший в 1897 г. поездку по Сибири, привел в своем отчете немало фактов того, что, даже при уже обозначившемся здесь разнообразии сфер приложения труда и избыточном предложении хлеба на местном рынке, не только основная масса переселенцев, но и немалое число людей, ранее занимавшихся извозом на Сибирском тракте,

продолжали переходить исключительно к *земледельческим* занятиям, что при всё еще недостаточных транспортных возможностях *вывоза* хлеба неоднократно приводило к «угнетенному состоянию» рынка и резкому падению хлебных цен [Макаров, 1898. С. 18, 21, 23].

В этой тенденции обнаруживается присущий многим переселенческим «фронтирным» территориям синдром: временный экономический *бум*, возникший было на волне массовых переселений, из-за узости и перенасыщенности местного рынка, быстро ведет к *краху*, а затем к медленному *восстановлению* за счет упорядочения и стабилизации экспорта сырья в метрополию [Белич, 2018. С. 73–74].

Здесь же обнаруживается примечательная цепочка зависимостей, определяющая формирование экономики переселенческих «фронтиров»: экономическая специализация вновь колонизируемых территорий сильно зависит от социального и квалификационного качества основного потока колонистов, а оно в свою очередь — от того основного *ресурса* (или сравнительного преимущества), который предлагает «фронтирная» территория. В случае Сибири этим притягательным ресурсом, несомненно, было наличие больших массивов *свободных* земель, что резко контрастировало с хроническим крестьянским малоземельем в центре страны. Если учесть, что основным активом крестьянина-переселенца является его *трудовая квалификация* (вкуче с его неприхотливостью и выносливостью) при почти полном отсутствии *капитала*, то становится вполне понятным механизм формирования *односторонней* экономической специализации колонизируемой территории, неизбежно ведущей к первоначальному «буму» и последующему «краху».

Спасением в этом случае становится *экспорт* массово производимого продукта в метрополию при ограниченных возможностях *диверсификации* местной экономики, что не может не порождать в свою очередь синдрома «колониальной» экономической зависимости вновь заселяемой окраины от центра. В том или ином виде эту стадию развития неизбежно проходили все переселенческие колонии. Диверсификация экономики таких колонизируемых окраин собственными силами развивалась очень медленно, по мере наращивания экспорта и капитализации доходов от него.

Логике этих зависимостей вполне соответствовали динамика и экономические последствия массовых аграрных переселений в Сибирь, осуществленных в предреволюционные годы и вызвавших ее заметный экономический подъем. Если за период с 1861 г. по 1885 г. колонизационный поток за Урал составил около 300 тыс. переселенцев, то в следующее 20-летие (с 1886 г. по 1905 г.) в Азиатскую Россию прибыли 1 520 750 душ обоего пола. Своего пика – 2 516 075 душ – крестьянские переселения за Урал достигли в период с 1906 г. по 1910 г. (средний годовой поток переселенцев составил: в 1861–1885 гг. – 12 тыс. чел., в 1886–1905 гг. – 76 тыс., в 1906–1910 гг. – 500 тыс. чел.) [Переселение и землеустройство, 1911. С. 2].

В 1911–1914 гг. поток переселенцев сократился, но все еще составлял внушительную величину – 783 010 душ обоего пола (около 195 тыс. в год) [Ямзин, Вощинин, 1926. С. 31]. Однако в эти годы и даже во время Первой мировой войны сам процесс крестьянских переселений становился всё более организованным и планомерным. Передача в 1905 г. Переселенческого Управления из ведения Министерства внутренних дел в состав Главного Управления Землеустройства и Земледелия (с 1915 г. – Министерство земледелия) позволила усилить регулируемую и стимулирующую роль государства в осуществлении переселенческой политики.

Политический фактор колонизации

Масштабы государственной поддержки колонизации восточных регионов были весьма внушительны. С 1893 г. по 1917 г. на эти цели было ассигновано из казны около 250 млн руб., причем ежегодные объемы финансирования выросли с 671 тыс. руб. в 1893 г. до более чем 30 млн руб. в 1913–1917 гг. Эти средства шли на реализацию широкой системы государственных мероприятий по предоставлению ссуд переселенческим хозяйствам, организации врачебной помощи, гидротехническому и дорожному строительству, подготовке колонизационного фонда путем землеустроительных работ, почвенно-ботанических и агрометеорологических исследований [Усов, 1927. С. 296].

Очевидно, что участие государства в организации и поддержке процесса колонизации Сибири не только позволяло ему

частично разрешать острую проблему крестьянского малоземелья в центре Европейской России (и, следовательно, снимать опасное социальное напряжение), но и предлагать для решения назревшей задачи освоения зауральских территорий империи наиболее простой и *относительно дешевый* способ, уповая на самостоятельную жизненную силу и хозяйственную сметку крестьянина-переселенца, т.е., по существу, вкладывая в развитие востока страны не столько *капиталы* (которых не было), сколько *рабочие руки*.

По мнению некоторых исследователей, переселенческая политика русского правительства перед революцией находилась под сильным влиянием традиционных социально-патерналистских представлений о том, что основным источником «народного благосостояния» может служить, прежде всего, мелкая поземельная собственность, а первейшая задача власти заключается в наделении ею максимального числа подданных. В результате распределение колонизационного фонда в ходе переселений в Сибирь несло в себе черты экономики «раздаточного» типа, воспроизводя мириады новых крестьянских хозяйств с *недостаточным уровнем капитализации*. Американский историк П. Холквист считает возможным говорить даже о специфической идеологии (или «институциональной культуре») Главного Управления Землеустройства и Земледелия и его Переселенческого Управления, которой, по его мнению, был присущ «антикоммерческий, технократический этос» – этактистская вера во всемогущество государственной организации в деле повышения народного благосостояния и в необходимость сдерживания негативных социальных последствий, характерных для капитализма западноевропейского типа [Holquist, 2010. P. 151–152].

Безусловно, все последствия аграрной колонизации Сибири на рубеже XIX–XX вв. к этому не сводились. Г. Ф. Чиркин (сотрудник Переселенческого управления, в 1916–1917 гг. – его глава), не преувеличивая темпов диверсификации экономики Сибири, в 1911 г. констатировал ее «заметный экономический подъем», который можно было рассматривать как *органическое* следствие стимулированного прокладкой Транссибирской железнодорожной магистрали нарастания интенсивности переселений. Увеличение емкости рынка сбыта (не только за счет

прибывающих переселенцев, но и в связи с дислоцированием в регионе дополнительных войск) вызывало рост торговли и городов, сопровождавшийся притоком денежных капиталов (в том числе иностранных). Это, в свою очередь, вело к постепенному переливу крупных купеческих капиталов в сферу промышленности, прежде всего, связанной с переработкой аграрной продукции.

Важные прогрессивные изменения происходили в сфере самого сельского хозяйства. Здесь институциональные изменения (переход от крестьянского землепользования на основе оброчного держания к закреплению земли в частной собственности) шли рука об руку с техническими усовершенствованиями (использование сельскохозяйственных машин, новых приемов агротехники, переносимых в Сибирь переселенцами из разных областей Российской империи), приводя в итоге к образованию крупных работающих на рынок специализированных хозяйств предпринимательского типа.

Созданное развитием транспорта облегчение вывоза аграрной продукции, повышая доходы крестьянской экономики, способствовало их переливу в сферу переработки сельскохозяйственных продуктов. В 1910 г. масштабы их вывоза из Сибири достигли внушительных объемов: хлеба (в зерне и муке) – 40 млн пудов, мяса – 2,2 млн пудов, живого скота – 61 тыс. голов, сливочного масла – на 45 млн руб. [Чиркин, 1911. С. 4–6]. Всё это вполне соответствует стадии «восстановления», или «спасения экспортом», о которой упоминалось выше. Как результат, «Сибирь быстрыми шагами вступает в роль колонии, всё шире обслуживающей метрополию сырыми продуктами», – констатировал Г. Ф. Чиркин.

Заметим, что в данном контексте термин «колония» не несет в себе никакого уничижительного или оскорбительного смысла, а является лишь констатацией некоторой *необходимой* стадии развития в «жизненном цикле» вновь осваиваемой территории, означая не отчужденность ее от метрополии, а, напротив, прочную *включенность* в экономический организм последней – и, в известном смысле, обещание дальнейшего прогресса. Российские теоретики колонизации вообще предпочитали трактовать Сибирь не как классическую колонию западноевропейского типа, но как «колонию особого рода», подчеркивая этим

не только неразрывную территориальную сопряженность и административную общность европейской и азиатской частей Российской империи, делающую Сибирь *продолжением* России, но и совершенно иную, чем у европейцев, природу колонизационных процессов.

В России, как подчеркивал Г. Ф. Чиркин, «переселение издревле было и остается до сих пор явлением внутреннего народного быта, имеющим значение простого перехода из одних мест жительства в другие» [Чиркин, 1911. С. 2]. В этом смысле колонию от метрополии отличает только *недостаток* населения при *избытке* доступных освоению наличных природных ресурсов, чем и задается устойчивый вектор колонизационной активности.

Стремление взглянуть на эту проблему чисто *политически* неизбежно будет страдать редукцией, находясь к тому же в глубоком рассогласовании со сложной реальностью исторического процесса. В этом во многом, как нам кажется, и заключалась драма сибирского областничества. В то время, когда в развитии Сибири, при ее относительной замкнутости, можно было обнаружить явственные признаки «колониальности» (проклятие сибирской ссылки, «мануфактурное иго» центра, культурная отсталость и т.п.), областничество, из-за незрелости местного общественного элемента, не имело шансов превратиться в сколько-нибудь широкое «антиколониальное» политическое движение (по примеру отделившихся от Англии североамериканских колоний).

К началу же XX в., когда в идейно-политическом смысле, областничество, казалось бы, окрепло, Сибирь демонстрировала уже черты бурно развивающегося «фронтира», органично включающегося в экономическое пространство всероссийского рынка и уже неотделимого от него. Одновременно волны предреволюционных переселений связали Сибирь с Россией тысячами человеческих связей, создав тем самым единое культурно-политическое поле. Это во многом объясняет, почему утвердившимся в 1917 г. в политическом центре страны большевикам удалось, преодолев хаос гражданской войны, полностью восстановить прежние имперские границы на восточных окраинах.

Это, конечно, не снимает вовсе вопроса о «колониальности» Сибири. На нее указывают очень многие черты в развитии

территории, особенно в эпохи, предшествовавшие массовым аграрным переселениям. Прежде всего, несомненно, что, сколь бы ничтожным ни было сопротивление «диких народцев», о которых писал С.М. Соловьев, колонизация Сибири начиналась с ее *завоевания* – установления над ней административно-политического контроля путем высылки отрядов служилых людей и устройства сети острогов как опорных пунктов русского присутствия. Политический аспект на первоначальном этапе был чрезвычайно важным и, по-видимому, доминирующим как с точки зрения формирования новой системы власти на этапе превращения России в многоэтничную империю, так и для приступа к экономическому освоению Сибири.

На это указывает, в частности, тот факт, что управление зауральскими территориями длительное время (с небольшими перерывами до 1763 г.) целиком сосредоточивалось в специальном *территориальном* приказе – Сибирском. На общем фоне приказной системы это выглядело так, что Сибирь воспринималась, с одной стороны, как отдельное, недавно завоеванное «царство», а с другой – скорее как *доходная статья* сложного финансового хозяйства государства, чем как его рядовая, управляемая общим порядком территория (об этом ярко свидетельствует объяснявшееся падением «сибирских» статей доходов восстановление в 1730 г. Сибирского приказа после попытки включить Сибирь в общую губернскую систему) [Зубков, 2015. С. 35].

Нет ничего более ошибочного, чем считать существование Сибирского приказа пережитком удельной старины. Напротив, как отмечает британский историк А. Вуд, Сибирь, скорее, можно считать важным *дополнением* «к институциональной консолидации политической власти русского самодержавного государства» [The History..., 1991. P. 4].

Историческая фаза, когда царская власть готова была делить с наиболее предприимчивыми элементами общества доходы, извлекаемые из первичного освоения новых территорий, перелажая на них все связанные с этим риски, оказалась очень короткой. Эту практику в России воплощала модель формирования «вотчины» Строгановых в Прикамье [Зубков, 2015], в чем-то напоминавшая существовавшую в Испанской Америке систему *аделантамьенто* («первопроходчества»), при которой завоевание

и освоение новых земель от лица и в интересах короны давали колонизаторам определяемые королевским патентом широкие права и привилегии по их управлению и эксплуатации. На следующем этапе развития осознание властью исключительного богатства новых владений быстро привело к аннулированию или, по крайней мере, к пресечению дальнейшего распространения всех разновидностей «патентных» колоний и к последующей *монополизации* государством прав на их эксплуатацию.

В связи с этим необходимо подчеркнуть еще один важный момент: казалось бы противостоящее общей тенденции унификации государства *обособление* Сибири как объекта управления в XVII в. следует рассматривать в реалиях становления абсолютистского государства имперского типа, а не с точки зрения возвращения – в том или ином виде – к удельным порядкам.

Обретая статус безраздельной «государевой вотчины», Сибирь превращалась в исключительно важный материально-силовой и символический ресурс, который резко возвышал власть монарха над структурой старых социально-политических отношений с присущими ей отголосками удельной старины [Опыт..., 2011. С. 55–56]. Отсюда устойчивое сохранение не только в царском титуле, но и в документах эпохи наименования Сибири «царством».

Похожим образом обстояло дело и в Испанской империи: образованные в Новом Свете вице-королевства Новая Испания (1535) со столицей в Мехико и Новая Кастилия (1542) со столицей в Лиме в правовом отношении определялись как *отдельные* королевства, связанные с Испанией только через персону *общего* монарха [Parry, John, 1990. P. 195].

В XVIII в., в правление Екатерины II, мы видим известную реанимацию идеи Сибири как особого инородческого «царства» с целым рядом покровительственных мер в отношении инородцев (работа комиссии А. Щербачева по упорядочению сбора ясака, манифест «О пожаловании ясашным народам прав и защиты» 1763 г.) и учрежденных символов ее самостоятельности (особый герб, чеканка сибирской монеты и т.п.), что было, с демографической точки зрения, уже явным анахронизмом и, скорее, искусственной попыткой копировать западноевропейские колониальные практики с целью подчеркнуть имперское величие России [Щеглов, 1993. С. 173–174].

Минималистская модель освоения

Утверждавшаяся в Сибири в XVII–XVIII вв. практика извлечения государством доходов также в сильнейшей степени определялась политико-институциональными отношениями, *особым порядком* управления ею. Помимо своей символической роли как выражения подданства, практика взимания ясака – пушной подати, уплачиваемой инородческим населением и составлявшей на раннем этапе освоения важнейший источник фискальных доходов государства, извлекаемых из Сибири, – по существу, проистекала из факта ее *завоевания*, который превращал русского монарха в верховного собственника ее обширных территорий, милостью которого коренное население получало возможность пользоваться лесными угодьями.

Охватившая Сибирь в XVII в. пушная «лихорадка» лишь при поверхностном взгляде может рассматриваться как экономическая деятельность, поскольку не только высылаемые воеводами отряды сборщиков ясака, но и «промышленные люди», взимавшие на царское имя пушную дань в свою пользу, были заняты не столько охотой на пушного зверя, сколько *«охотой на людей»* – принуждением к уплате ясака и военным присоединением территорий, доставлявших государству новые контингенты его плательщиков [Колонизация Сибири..., 1900. С. 7–8]. Ясак, как традиционный институт, заимствованный русской администрацией из практики взаимоотношений инородческих племен и в чем-то напоминавший извлечение «природной ренты», пожалуй, ярче всего отражал стремление русского правительства осваивать Сибирь *малыми силами и малой ценой* – пополняя бюджет за счет природных богатств региона, но мало что давая ему взамен. Это накладывало сильнейший отпечаток на всю систему финансово-экономических взаимоотношений Российской империи с ее богатой, но отдаленной окраиной.

О том, как складывались эти отношения, можно судить по некоторым косвенным данным. Бежавший в Швецию дьяк Г. К. Котошихин, хорошо знавший изнутри приказную систему, говоря о Сибири, отмечал в своей записке, что «денежных доходов с тамошних (сибирских – К.З.) городов не бывает никаких, исходят там на жалованье служилым людям...», в то время как «присылается из Сибири царская казна, ежегодно» [Московия и Европа, 2000. С. 84]. Истолковать это сообщение можно

лишь в том смысле, что, ежегодно отсылая хлебное и денежное жалование в Сибирь, Сибирский приказ, в идеале, стремился привести объем этих расходов к балансу со всей суммой неясчных налогов и сборов (в основном таможенных пошлин), получаемых из Сибири, оставляя, по возможности, ясную «царскую казну» в неприкосновенности как источник *чистого* государственного дохода. Как можно судить по позднейшим документам, поддерживать такой баланс Сибирскому приказу удавалось редко или вовсе не удавалось, в результате чего снабжение Сибири становилось весьма скудным и, к тому же, затратным для государства.

Проанализированный русским историком Н. Н. Оглоблиным красноречивый документ – «доклад» по челобитью сибирских служилых людей от 1691 г. о выдаче «полного жалования деньгами» – свидетельствует о том, что, при всех трудностях службы и дороговизне жизни в Сибири, Сибирский приказ неоднократно прибегал к замене денежного жалования служилым людям выплатами натурой и из года в год *недоплачивал* установленный размер окладного жалования. В результате накопленная задолженность по «зарплате» за 1673–1691 гг. составила 143 тыс. руб. и, как резонно предполагает историк, *никогда* уже не была погашена.

В 1691 г. на выплаты окладного и неокладного жалования 8916 пребывавшим в Сибири «служилым людям, ружникам и оброчникам» (традиционная формула учета лиц, находившихся на государственном довольствии. – К.З.) требовалось 69203 руб. при общей ожидаемой сумме окладных и неокладных денежных доходов из Сибири (без учета «соболоиной казны») около 18 тыс. руб. и при приходе «соболоиной казны» за этот год в размере 77365 руб.

«Приговор» великих государей Ивана и Петра Алексеевичей по челобитной предусматривал, помимо остатков в приказе «мягкой рухляди» от сборов за 1690 г. в размере 7 тыс. руб. и «рыбьей кости» в размере 13500 руб., употребить на *частичное* покрытие «недодачи» жалования 15 тыс. руб. из Приказа Большой Казны [Оглоблин, 1901. С. 113–114].

Парадоксальная на фоне извлекаемых пушных богатств сибирская «скудость», выражавшаяся в «недостатке людей, духовных и материальных средств», о которой с сожалением писали

дореволюционные ученые [Прутченко, 1899. С. 6], несомненно, должна рассматриваться нами не как нечто случайное или произведенное по недосмотру или злой воле, но как сознательно реализуемый *минимализм* в части затрат, при котором можно было не рисковать лишь одним – бесперебойным поступлением «мягкой рухляди» в казну.

Влияние такого управленческого *интереса* и соображений *экономики* (иногда вполне мелочных) прослеживается во всем, что происходило в Сибири, в существенных чертах определяя и характер ранней ее колонизации. В своем известном сочинении историк П. Н. Бущинский хотя и объяснял заселение Сибири русскими в привычном ключе – как взаимодействие потоков *правительственной* и *вольно-народной* колонизации [Бущинский, 1889. С. 185], на самом деле дал гораздо более сложную, пеструю и богатую картину процесса, в которой различение этих потоков порой становится затруднительным.

***

Целый ряд форм организации переселений, традиционно классифицируемых либо «по указу», либо «по прибору», скорее, могут быть адекватно поняты как неразрывное сращивание *принуждающей*, *регламентирующей* и *стимулирующей* роли государства и адаптирующейся к ней *свободной инициативы*. Объяснение выработке и применению этих форм П. Н. Бущинский находит именно в соображениях, мотивациях и даже сугубо экономических расчетах, лежавших в основе *сибирской политики* правительства (бесперебойное поступление ясачной казны, минимизация затрат на доставку хлеба и припасов; поощрение к расширению местной пашни и вообще любых форм самообеспечения, включая разрешение служилым людям промышлять и хозяйствовать на земле; стремление прикрепить каждую человеческую единицу к делу и т.п.).

Под влиянием этого управленческого минимализма колонизация Сибири, длительное время дозируемая мерами государственной *регламентации*, вплоть до конца XIX в. не могла достичь нужной степени интенсивности для того, чтобы кардинально изменить экономическое лицо региона. Растянутые во времени, недостаточно интенсивные колонизационные процессы свелись в итоге к тому, что за 200 лет пребывания

Сибири в составе Российского государства, к концу XVIII в., население ее громадной территории достигло лишь примерно 900 тыс. чел. [Сахаров, 1919. С. 18].

В течение XIX в. тупиковость этой модели развития была уже вполне осознана русским обществом и государством. Ситуация начала быстро меняться только к концу XIX в., с постройкой Транссиба и снятием препон на пути широкой аграрной колонизации Сибири. Но и в этом случае правительство, широко приступая к освоению региона и оказывая всестороннюю поддержку этому процессу, выбирало для своей сибирской политики *наименее затратные* способы, предпочитая не столько вкладывать в развитие Сибири инвестиции, сколько рассчитывать на чудодейственную силу свободной хозяйственной инициативы русского крестьянина. В этом смысле проблема «колониальности» Сибири находилась в тесной связи со структурными слабостями дореволюционной российской экономики и хроническим для нее дефицитом инвестиционного капитала.

Литература

Белич Дж. *Расцветаящий фронт: бум и крах в истории поселенческих сообществ XIX века // Естественные эксперименты в истории / Под ред. Дж. Даймонда и Дж. Робинсона. М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 71–117.*

Буцинский П.Н. *Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков: Тип. Губерн. Правления, 1889. 345 с.*

Вып. 1. *Север Европейской России/Под ред. В.П. Воцинина. Петроград: Тип. М.П. Фроловой, 1919. С. 15–24.*

Зубков К.И. *Сибирский приказ как институт регионального управления (XVII–XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 26–35.*

Зубков К.И. *Строгановская «вотчина» – начало корпоративных форм организации промышленного освоения Урала и Сибири // ЭКО. 2015. № 1. С. 179–189.*

Зубков К.И. *Цивилизационные особенности колонизационных процессов в истории России // Мир историка и пространство истории: сб. статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 74–91.*

Ключевский В.О. *Соч.: в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.*

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемирная выставка 1900 г. в Париже, Комитет Сибирской железной дороги. СПб.: Издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. III, IX, 374 с.

Котляков В.М., Комарова А.И. *География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь (русский – английский – французский – испанский – немецкий). М.: Наука, 2007. 860 с.*

Макаров С.О. *Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению Министра финансов С.Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб.: Тип. В. Кирибаума, 1898. 81 с.*

Московия и Европа / Г.К. Котошихин, П. Гордон, Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М.: «Фонд Сергея Дубова», 2000. 624 с.

Оглобин Н.И. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4-х ч. / Изд. Имп. о-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Ч. 4-я. М.: Университетская тип., 1901. 287 с.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. – 404 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год / Переселенческое Управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1911. 501 с.

Прутенко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. 407 с.

Сахаров А. Колонизация и пути сообщения // Очередные вопросы колонизации. – Вып. 1. Север Европейской России / Под ред. В.П. Воицинина. Петроград: Тип. М.П. Фроловой, 1919. – С. 15–24.

Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.

Усов В.С. Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / О-во изучения Сибири и ее производительных сил под общ. ред. А.А. Ансона [и др.]; отв. ред. Г.И. Черемных. Т. 3: Доклады секции «Поверхность». Новосибирск: Красное знамя, 1927. С. 279–301.

Хаусхофер К.О геополитике. Работы разных лет. М.: «Мысль», 2001. 436 с.

Чиркин Г.О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. Сборник под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб., 1911. № 8. С. 1–37.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. 463 с.

Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 330 с.

The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / Ed. by Alan Wood. – L.: Routledge, 1991. – xiv, 192 pp.

Parry John H. The Spanish Seaborne Empire. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990. 416 pp.

Holquist Peter “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration. Slavic Review. 2010. Vol. 69, No. 1. P. 151–179.

Статья поступила 19.12.2018.

Summary

Zubkov K.I., Institute of History & Archaeology, Ural Branch, RAS, Yekaterinburg

Early Colonization of Siberia: Meanings and Lessons of History

Based on the analysis of peculiarities of Siberia’s colonization during the period prior to 1917, the article discusses the issue on “colonial” status of Siberia, as well

as economic and political-administrative factors which gave the birth to the colonial syndrome in its development. Historical analysis allows assertion that the notion “colony” when used in relation to Siberia isn’t quite relevant to the existing, habitual and established, meanings of this term. On the one hand, colonial syndrome should be seen as the inevitable development stage in the “life cycle” of newly developing territory, on the other hand, it had been conditioned by the deeper reasons of political nature concerned with the so called “minimalist” approach to managing the Siberian development. In significant part, these problems were the logical consequence of the structural weaknesses of the Russian economy in itself.

Siberia; Russia; colony; colonization; agrarian resettlements; Siberian prikaz; development; “frontier”

References

Belich Dzh. (2018). Rascvetayushij frontir: bum i krah v istorii poselencheskih soobshestv XIX veka. Estestvennyye eksperimenty v istorii / Pod red. Dzh. Dajmonda i Dzh. Robinsona. Moscow. Publ. AST. Pp. 71–117. (In Russ.).

Bucinskij P.N. (1889). Zaselenie Sibiri i byt pervyh ee naselnikov. Harkov: Tip. Gubern. Pravleniya, 345 p.

Vyp. 1. (1919). Sever Evropejskoj Rossii / Pod red. V.P. Voshinina. Petrograd: Publ. M. P. Frolovoj. Pp. 15–24. (In Russ.).

Zubkov K.I. (2015). Sibirskij prikaz kak institut regionalnogo upravleniya (XVII–XVIII vv.). Uralskij istoricheskij vestnik. No. 4(49). Pp. 26–35. (In Russ.).

Zubkov K.I. (2015). Stroganovskaya «votchina» – nachalo korporativnyh form organizacii promyshlennogo osvoeniya Urala i Sibiri. EKO. [ECO]. No. 1. Pp. 179–189. (In Russ.).

Zubkov K.I. (2018). Civilizacionnyye osobennosti kolonizacionnyh processov v istorii Rossii. Mir istorika i prostranstvo istorii: sb. statej k yubileju prof. N.N. Alevras. Chelyabinsk: Enciklopediya. Pp. 74–91. (In Russ.).

Klyuchevskij V.O. (1987). Soch.: v 9 t. T. I. Kurs russkoj istorii. Ch. I. Moscow. Mysl Rubl., 430 p. (In Russ.).

Kolonizaciya Sibiri v svyazi s obshim pereselencheskim voprosom (1900). Vsemirnaya vystavka 1900 g. v Parizhe, Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi. SPb.: Izdanie Kancelarii Komiteta Ministrov, III, IX, 374 p. (In Russ.).

Kotlyakov V.M., Komarova A.I. (2007). Geografiya: ponyatiya i terminy: pyatyazychnyj akademicheskij slovar (russkij – anglijskij – francuzskij – ispanskij – nemeckij). Moscow Nauka Rubl. 860 p. (In Russ.).

Makarov S.O. (1898). Otchet vice-admirala Makarova ob osmotre im letom 1897 goda, po porucheniyu Ministra finansov S.Yu. Vitte, morskogo puti na reki Ob i Enisej. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. 81 p. (In Russ.).

Moskoviya i Evropa (2000). G.K. Kotoshihin. P. Gordon. Ya. Strejs. Car Aleksej Mihajlovich. Moscow. Rubl. Fond Sergeya Dubova. 624 p. (In Russ.).

Ogloblin N.I. (1901). Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.): V 4 ch. Rubl. Imp. o-va istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te. Chast 4. Moscow. Universitetskaya Rubl. 287 p. (In Russ.).

Opyt rossijskih modernizacij XVIII–XX vv.: vzaimodejstvie makro- i mikroprocessov. (2011). Ekaterinburg: Bank kulturnoj informacii, 404 p. (In Russ.).

Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1906–1910 gg. i Otchet po pereseleniyu i zemleustrojstvu za 1910 god (1911). Pereselencheskoe Upravlenie Glavnogo Upravleniya Zemleustrojstva i Zemledeliya. SPb. Rubl. M.P. Frolovoj. 501 p. (In Russ.).

Prutchenko S.M. (1899). Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: Istoriko-yuridicheskie ocherki. SPb. Rubl. A. S. Suvorina, 407 p. (In Russ.).

Saharov A. (1919). Kolonizaciya i puti soobsheniya. Ocherednye voprosy kolonizacii. Vyp. 1. Sever Evropejskoj Rossii. Petrograd. Rubl. M.P. Frolovoj. Pp. 15–24. (In Russ.).

Solovev S.M. (1988). Soch. v 18 kn. Kn. I. T. 1–2. Moscow. Mys Rubl. 797 p. (In Russ.).

Usov V.S. (1927). Kolonizaciya i ee znachenie dlya razvitiya proizvoditelnyh sil Sibiri. Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo sezda / O-vo izucheniya Sibiri i ee proizvoditelnyh sil pod obsh. red. A.A. Ansona [i dr.]; T. 3. Novosibirsk. Krasnoe znanya Rubl. Pp. 279–301. (In Russ.).

Haushofer K. (2001). O geopolitike. Raboty raznyh let. Moscow. Mysl Rubl., 436 p. (In Russ.).

Chirkin G. (1911). O zadachah kolonizacionnoj politiki v Sibiri. Voprosy kolonizacii. SPb Rubl. No. 8. Pp. 1–37. (In Russ.).

Sheglov I.V. (1993). Hronologicheskij perechen vazhnejshih dannyh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. Surgut. AIIK Severnyj dom Rubl. 463 p. (In Russ.).

Yamzin I.L., Voshinin V.P. (1926). Uchenie o kolonizacii i pereseleniyah. Moscow. SPb. Gos. Rubl. 330 p. (In Russ.).

The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / Ed. by Alan Wood. L.: Routledge, 1991. xiv, 192 pp.

Parry John H. (1990). The Spanish Seaborne Empire. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 416 p.

Holquist Peter. (2010). “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration. Slavic Review. Vol. 69, No. 1. Pp. 151–179.